

**ДЕТЕКТИВ
В ОТПУСКЕ**

**■ Читайте романы
ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ —
классические детективы, написанные
по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель	Три богини судьбы
Звезда на одну роль	ДНК неземной любви
Венчание со страхом	Душа-потемки
Прощание с кошмаром	Тот, кто придет за тобой
Темный инстинкт	Демоны без ангелов
Все оттенки черного	Валькирия в черном
Зеркало для невидимки	Когда боги закрывают глаза
Врата ночи	Девять воплощений кошки
На randevу с тенью	Яд-шоколад
Улыбка химеры	Невеста вечности
Готическая коллекция	Колесница времени
Ключ от миража	Падший ангел за левым плечом
29 отравленных принцев	Призрак Безымянного переулка
Флердоранж – аромат траура	Пейзаж с чудовищем
Молчание сфинкса	Грехи и мифы Патриарших прудов
Родео для прекрасных дам	Созвездие Хаоса
Дамоклов меч над звездным тронem	Часы, идущие назад
Рейтинг темного божества	Светлый путь в никуда
Прощай, Византия!	Умру вместе с тобой
Сон над бездной	Циклоп и нимфа
Царство Флоры	Последняя истина, последняя
страсть
Предсказание – End	Перекресток трех дорог
Драконы ночи	Имеющий уши, да услышит
Black & Red	Великая иллюзия
Пир на закате солнца	

Татьяна
СТЕПАНОВА

**Готическая
коллекция**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Литературный агент *Ольга Рубис*

Оформление серии *С. Курбатова*

С79 **Степанова, Татьяна Юрьевна.**

Готическая коллекция / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168357-3

Странный отпуск получился у сотрудницы пресс-центра УВД Кати Петровской. Вместе с мужем Вадимом Кравченко и их другом Сергеем Мещерским они приехали на прибалтийский курорт и в первый же день стали свидетелями свирепого и загадочного убийства. Этим дело не ограничилось — через несколько дней нашли мертвой девочку-подростка. Как выяснила Катя, такие «происшествия» с юными девушками здесь не в новинку. Но убийца, словно призрак, не оставляет никаких улик. А тут еще местные легенды о Водяном, мстящем людям, его мокрые следы регулярно обнаруживают на полу церкви. Сразу трое — Катя, Мещерский и местная жительница Марта — вычислили убийцу. Только Мещерский в момент озарения был на рыбалке в море, а Катя и Марта оказались лицом к лицу с обезумевшим маньяком...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 9978-5-04-168357-3

Пролог

Бывает так: спишь и видишь сон, что спишь. И видишь сон о том месте, где суша граничит с морем. Где гряда песчаных дюн кончается у самой воды. Неподвижная, мертвая луна цепляется за кроны сосен, чертит на волнах дорогу, прямую и четкую, как след мела на классной доске, касается тусклым лучом стен старой церкви за круглым прудом, затянутым ряской. И тонет в наплывающих тучах.

Ветер гонит волну за волной в заливе и, словно клавиши фисгармонии, перебирает колокола на колокольне. Но они молчат. Ветер крепчает и приводит с собой прилив. Вода прибывает и, кажется, вот-вот разрушит единственную преграду — узкую полосу песка, именуемую Косой, защищающую от холодных волн церковь, пруд, старое, заросшее бузиной и боярышником кладбище и тропинку-змеяку, уводящую в дюны.

Но постепенно ветер стихает, и все затихает вместе с ним — море, песок, луна. Серебряная полоса на воде снова выглядит четкой и прямой, словно указывает путь — из моря на сушу к старому пруду, похожему на потерянное в камышах зеркало. Лунные блики мерцают на черной, пахнувшей илом воде. Но вот раздается громкий всплеск, точно крупная рыба ударяет хвостом. И снова все тихо. Легко плескаются небольшие волны у топкого берега, расходятся кругами от середины пруда, качают в камышах темной заводи мертвое тело, разбухшее и безобразное, объединенное рыбой и раками, мало уже похожее на человеческую плоть, больше на гнилую колоду, источенную червями.

И вот новый всплеск. В лунном свете что-то мель-

кает. Лунные блики. Или блеснула чешуя крупной прожорливой рыбы. А потом — руки (или это сон?), мощные сильные руки пловца, рассекающего гладь воды, подобно торпедe. И снова всплеск. И блеск чешуи. Брызги и круги по воде. Как будто только что кто-то нырнул на самое дно — рыба, пловец?

И тишина снова смыкается над прудом. А потом ее разрывает тяжелый утробный гул мотора. На откос дюны из темноты выползает ржавый танк с бело-черным крестом, намалеванным на башне. Гусеницы взрывают песок, лязгают. Танк останавливается у самой воды. Мотор ревет, словно преодолевает препятствие, и гусеницы лязгают вхолостую. Но ничего не отражается в черной воде — ни угловатый силуэт бронированной башни, ни черно-белый крест, ни пушка, ни с грохотом откинута крышка люка. Ничего. Гул мотора стихает, и танк, как мираж, начинает медленно таять, рассыпаясь в лунном свете. И вот на его месте лишь облако пепельного тумана. Самого обычного тумана, окутывающего и дюны, и залив в предрассветный час. Хотя обычный туман вряд ли увидишь во сне. Когда спишь и так ясно, так мучительно ясно понимаешь, что ты спишь и видишь сон, что спишь...

Человек, раскинувшийся на смятой постели, заворочался, застонал, повернулся на бок, протянул руку и пошарил на подоконнике у изголовья кровати, ища часы. Окно в комнате было открыто настежь, и ветер вздувал белые занавески, как паруса. Где-то в темноте над кроватью тонко гудел комар. Человек сел на постели. Отодвинул занавеску — над заливом клубился серый туман. Мутные клочья скрывали полосу берега, сосновую рощу, кладбище. Из тумана выступал лишь силуэт церковной колокольни. Доносилось звонкое кваканье лягушек. А потом послышался всплеск, точно кто-то с силой ударил по воде хвостом или лопастью весла. И лягушки испуганно смолкли.

Человек быстро потянул на себя створки окна, хлопнул их, защелкнул шпингалет. И плотно задвинул занавески.

Глава 1

ПРИБЫТИЕ

Никому нельзя верить. В наше время легче потерять веру, чем телефонную карточку. Катя — Екатерина Сергеевна Петровская, в замужестве Кравченко — убедилась в этом на собственном горьком опыте. Нет, никому нельзя верить!

Даже мужу. Но все по порядку. Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне Драгоценным В.А., клятвенно обещал еще 31 декабря: будущий отпуск проведем вместе у моря. Наступил июль, и муж как отрезал: бери отпуск, айда. И Катя сломя голову кинулась по начальству подписывать разные служебные бумаги, потому что попробуйте иначе уйти в отпуск в разгаре лета в таком строгом госучреждении, как ГУВД Московской области, где весь личный состав на учете и всегда под ружьем на каком-нибудь очередном усилении. И пока она оформляла и подписывала бумаги (а на это ушло немало времени), муж вел себя весьма загадочно. Привозил домой какие-то странные громоздкие баулы, коробки. А однажды вечером объявил, что авиабилеты уже взяты на восемнадцатое июля. Катя обрадовалась, однако на все ее вопросы, куда, собственно, летим — в Сочи, в Ялту или, может, в солнечную Албену или в прикольный Дубровник — Драгоценный В.А. таинственно отмалчивался, веско обещая некий сюрприз.

И сюрприз состоялся. Да такой, что у Кати ноги подкосились, когда в Шереметьеве объявили регистрацию на рейс Москва — Калининград и Кравченко, подхватив впавшую в ступор подругу жизни, баулы, чемоданы и прочий громоздкий багаж, повлек все

это с песней к регистрационной стойке. Уже в самолете, когда убрали трап и просто невозможно было покинуть борт «Ила», не сломав себе ноги, Катя узнала, что вместе с Драгоценным примерно через полтора-два часа совершит посадку в этом самом Калининграде. И в аэропорту их встретит друг детства Кравченко Сергей Мещерский, и оттуда опять же с песней они на машине поедут в сторону Светлогорска и еще дальше, дальше, на Куршскую косу, на побережье студеного, хмурого, серого, жуткого, мрачного, дождливого, чухонского Балтийского моря. Где и проведут «потрясные» — Кравченко даже присвистнул от удовольствия, произнося это кощунственное слово, — две недели среди воды, сосен, песка и бодрящего северного ветра.

— Мы с Серегой еще месяц назад потихоньку начали готовиться, — сообщил Кравченко, пристально наблюдая за выражением Катиного лица. — Он обещает мировую рыбалку. Там даже катер есть.

Самолет вырулил на взлетную полосу. Разбег, отрыв и...

— Что в сумках? — спросила Катя, когда они набрали высоту.

— Так, мелочи. Серега просил кое-что подобрать — кое-какая аппаратура для дайвинга: акваланги, потом снасти, прикормка для рыбы.

— Удочки? — медленно спросила Катя, следя глазами за стюардессой, появившейся в проходе с тележкой, уставленной напитками.

— Ну да, вроде. — Кравченко снова внимательно посмотрел на жену. — Ты что будешь пить — сок, минералку?

— А динамита нет? — с надеждой спросила Катя.

— Чего?

— Динамита, чтобы рыбу глушить?

Кравченко с любопытством повернулся.

— Если есть, — продолжала Катя, — лучше сразу отдай — я все равно на эту косу умру — не поеду. Станем жертвами авиакатастрофы.

— Что желаете? — спросила подъехавшая со своей тележкой стюардесса.

— Белого вина и красного тоже, будьте добры, — Катя сумрачно кивнула на маленькие пластиковые бутылки. Забрала их у стюардессы, минуя алчно протянутую руку Драгоценного В.А. — Это все мне. А мужу, пожалуйста, если есть, боржоми.

Кравченко ненавидел боржоми с детства, когда по причине частых ангинов его поили этой целебной бурдой пополам с отвратительно горячим молоком.

Катя протерла салфеткой пластиковый стаканчик и налила себе белого вина. Выпила. Кравченко взвешивал на руке бутылку боржоми. Не решался.

— Ну, мягкой посадки, — Катя чокнулась с этой его бутылкой вторым стаканом уже красного вина. — Радуйся, мерзавец, что нет динамита.

— И совсем не остроумно. Плоско, — буркнул Кравченко. — Хотел же как лучше. Сюрприз тебе. Мы с Серегой головы ломали, как бы классно отдохнуть, без напряжения. Ну, потом он и подыскал вариант. Это ж русская Прибалтика, почти заповедные места. Понимать надо. Тишина, дюны, прибор. Рыбалка, катер — ах да, это я уже говорил...

— А где мы будем жить? — прошипела Катя. — Нору, что ли, вырою в твоей дюне под сосной, как кролики? Или... только не пугай меня, ты что — палатку купил?

— Да нет, Серега все устроил, не волнуйся. Я вообще-то точно не знаю, но... У них там свой туристический маршрут.

— Акваланги-то зачем?

— Как?! За янтарем нырять!

— А ты разве когда-нибудь занимался дайвингом?

— А чего им заниматься? — Кравченко без всяких усилий пальцами скovyрнул пробку с бутылки. — Плевое дело. Нырнул и дыши.

— Ну а я-то что там буду делать? — уже капитулируя, спросила Катя. — Вы по целым дням рыбу будете ловить, а я?

— А ты выйдешь с нами в море, наловишь трески и

килек. Эх, шаланды, полные кефали... Да загорать ты будешь круглые сутки, на пляже коптиться, купаться. Самый сезон в разгаре. Жара!

Катя с тоской вспомнила курортный кошмар детства — Юрмалу, Палангу, Дзинтари, Мерейрано, куда любили ездить родители. И везде, по всему Балтийскому побережью от Литвы до Эстонии, когда ни приедешь летом — ветер, комары, изморось с неба и сырость, пробиравшая до костей. И море — холодное и мелкое на два километра от берега, воробью утопиться. Где это они там собрались нырять с аквалангом?

— Я вас просто убью, — пообещала она, снова впадая в трагический тон, — вот только приземлимся, прямо там сразу в аэропорту и прикончу и тебя и Мещерского. Я знаю, чья это идея! Кто тебя подбил на эту авантюру. Ведь мы же собирались на Красное море!

— В январе, счастье мое. — Кравченко поудобнее устроился в кресле и мечтательно прикрыл глаза. — И вообще, я не узнаю тебя. Неужели тебе не интересно увидеть трофейный Кенигсберг?

Катя налила себе остатки вина. Лучше напиток сразу в самолете, тогда проще будет воевать с ними на земле. С этими предателями и обманщиками. Мысленно она перебрала весь багаж, ища предмет поуверситетнее, потяжелее, каким легко и с пользой можно было огреть и Драгоценного, и его закадычного дружка по их лживым пустым головам. И тут же с ужасом вспомнила, что не взяла ни зонта, ни дождевика. И из теплых вещей не взяла почти ничего — джинсы и свитер.

«Ну и хорошо, ну и пусть. Пусть я там замерзну, в сосульку превращусь, пусть заболею, пусть умру», — подумала она, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло от смеси красного и белого сухого.

Сели ювелирно и мягко. Похлопали командиру корабля за то, что довез, не угробил. Было 11 часов 20 минут. Над Калининградом сияло ослепительное солнце. Термометр на фасаде здания аэропорта показывал двадцать восемь градусов в тени.

Мещерский встретил их в зале прилета в пляжных

бермудах и белой футболке с гигантским иероглифом на спине.

— Вадим, Катюша, я здесь! Оставь, оставь сумку, тяжелая. Я сам, — он вертелся как маленький смерч и... И Катя выпустила из рук ремешок дорожной сумки, которым примерялась, как бы половчее огреть обоих этих врунов, когда отвернется аэропортовский охранник. Мещерский схватил сумку и звонко, пылко чмокнул Катю в щеку. Он был небрит, но свеж, радостен и улыбчив, как ребенок.

— Ни на секунду не опоздал самолет. А я думал... — Кравченко с достоинством приветствовал друга крепким рукопожатием.

— Что, были какие-то проблемы с самолетом? — встревожился Мещерский.

— Да нет... Правда, кое-кто интересовался, не везем ли мы динамит, рыбу глушить.

— Что? — Мещерский едва не уронил баул. — На таможне, что ли, цеплялись?

— Не слушай его, Сережечка, — вздохнула Катя, — лживый прохиндей, не слушай его.

— Расстраивается, — сообщил другу Кравченко, — еще никак не свыкнется с мыслью, что попала сюда.

— Надо было заранее подготовить. Я же тебя предупредал, — виновато и воровато (как показалось Кате) шепнул Мещерский.

— Тогда бы фиг вырвались. Арриведерчи и рыбка, и катер... Ну, давай, командуй. Где тачка? Куда вещи грузить?

На стоянке аэропорта их ждала машина. Маленький такой джип. Оказалось, что и не джип вовсе, а какой-то там корейский «Спортаж». Мещерский заявил, что это машина сотрудника их фирмы «Столичный географический клуб», имеющей на Куршской косе свои «пункты приема и размещения туристов». Катя забралась в машину. Ей было уже все равно. От смеси белого и красного, от мягкой посадки, двадцати восьми градусов по Цельсию ее клонило в сладкую дрему. Ей было даже не любопытно, как такое количе-

ство вещей поместится в багажник этого «Спортажа». И как втиснется в него почти двухметровый Кравченко. Но все как-то рассосалось. Часть баулов приторочили на верхний багажник. Кравченко тоже сложился пополам.

Мещерский бодро юркнул за руль, завел мотор. Эта машинка была точно скроена по его маленькой фигурке. За рулем этого игрушечного джипа он чувствовал себя крутым. Это было видно по его довольному лицу. «Ой, жулики несчастные», — подумала Катя и погрузилась, точно в мягкую перину, в дремоту. А когда открыла глаза, первое, что увидела, — синий дорожный указатель «Советский проспект, на Светлогорск».

— Проспала, дорогуша, весь Калининград, — сообщил Кравченко.

Катя повернулась к окну. Посмотрела на сияющее небо. Странно, а где же дождь? Балтика ведь, а дождя ни капли.

— Обещают чудесную погоду, — вещал Мещерский, искоса поглядывая на Катю. — Прогнозы точные. И береговая служба тоже... Ни одного красного вымпела. Море как блюдце. Только вот солярккой для моторки надо загодя запастись, а то в пик сезона там нарваться можно на...

— Там — это где? — спросила Катя.

— Там, куда мы едем, — вместо Мещерского ответил Кравченко. — Сюрприз, радость моя, все еще продолжается.

Шоссе повернуло на северо-запад. Мелькали поселки, поля, а затем началось что-то вроде тенистой старой аллеи — деревья стояли вдоль шоссе, как солдаты на параде. И вдруг на горизонте всплыла округлая вершина, нависла над окрестными холмами зеленой шапкой — гора, заросшая хвойным лесом.

— Гильтгарбен, — указал в ее сторону Мещерский. — Местная гора сказок. По легенде, там, на вершине, было последнее капище древних пруссов. А священный дуб, росший там, по преданию, срубил сам святой

Адальберт, за что пруссы-язычники предали его мучительной казни. Правда, насчет места казни, указывают еще и мыс Пиллау, недалеко от Балтийска. Но многие считают, что святого убили именно здесь, на горе Гильтгарбен. Темное место... Его в старину почитали не меньше, чем знаменитый Брокен.

Катя смотрела на заросшие лесом склоны «зеленой шапки». И чувствовала, что от ее полудремы, лени, усталости, равнодушия и раздражения не остается и следа.

— Кто этот Адальберт? — спросила она.

— Креститель пруссов, местный мученик, весьма почитаемый в прошлом. Между прочим, там у нас в Морском его церковь.

Так Катя впервые услышала название места, куда они направлялись, — Морское. Позже Мещерский назвал и старое немецкое его имя — Пилькоппен.

Дорога снова повернула и вновь озадачила их: указатель сообщил, что до Светлогорска десять километров. По левую сторону от дороги Катя снова увидела холмы, поросшие редким лесом. Почва была светлой, песчаной, и деревья четко выделялись на фоне песка и ярко-синего неба. Старые ели караулили въезд в узкую тенистую ложину у подножия холмов. А дальше, у горизонта, поблескивала бирюзовая полоса. Катя не поверила своим глазам: цвет моря был совершенно не похож на тот, что она готовилась увидеть. Море было как на юге. Катя оглянулась на Кравченко. Тот хмыкнул. Весь вид его говорил — ну что? Убедилась?

Но в Светлогорске они не остановились. Мещерский сделал небольшой крюк и у развилки шоссе свернул в сторону Романова.

— Вот примерно отсюда и начинается коса, — сказал он. — И поверь мне, Катюша, ты не пожалеешь, что приехала сюда.

Слева были сосновые леса и синева моря. В небе — чайки. Вдоль дороги крутые склоны дюн. И маленькие рыбацкие поселки, состоящие из приземистых, непохожих на наши домов с остроконечными черепичными крышами. Они были похожи на пряничные избуш-

ки из немецкой сказки, а вблизи оказались облупленными, тронутыми штормами и непогодой.

А потом и справа заблестела вода. Мещерский сказал, что это залив. И снова резко и зло кричали чайки, дерущиеся за рыбу. И шоссе, залитое солнцем, было почти пустым, дачным. Редко-редко навстречу попадался грузовик или подержанная, но все еще шустрая иномарка.

— Маяк. — Мещерский кивком указал налево, в сторону моря. Катя увидела башню, похожую на черную шахматную ладью. Шоссе утонуло в густом сосновом лесу, и за темно-зелеными кронами стало не видно ни маяка, ни моря, ни залива. Только чайки кружили высоко в небе. Мещерский, точно заправский гид, рассказывал, что это очень старая почтовая дорога, что вот слева развалины знаменитой некогда орнитологической станции Гиннеманна. Что лес, подступающий к самому морю, — это отроги знаменитого заповедного леса. Что вообще коса — это такое место, которое надо открывать для себя постепенно, шаг за шагом, потому что никогда не известно, что ждет тебя здесь за поворотом, какой вид.

— Катька, смотри! — присвистнул Кравченко от удивления. И Катя увидела издали Высокую Дюну (так ее назвал Мещерский) — огромный конический холм из золотистого песка, словно вырастающий из морской глади. А потом сосны плотно сомкнулись, замелькали как частокол и вдруг снова разошлись как по команде в разные стороны, зеленый луг и церковь над круглым, как зеркало, прудом, заросшим ряской, затененным старыми ветлами, склонившимися к самой воде.

— Почти приехали, сейчас поворот на Морское, и мы дома. — Мещерский сбавил скорость. — Тут напрямик через кладбище и дюны совсем близко, рукой подать.

— А где тут кладбище? — спросил Кравченко, закуривая в окно.

— Да вот же оно. Старое, немецкое, — Мещерский кивнул на луг, на ветлы, липы и кусты бузины. —

Здесь все с войны заброшено. А там, в ложбине у подножия дюны, говорят, «Тигр» подбитый раньше стоял и наша «тридцатьчетверка». Они друг друга прямым попаданием порешили, когда тут бои шли в сорок пятом. Песком их занесло. Здесь пески зыбучие, двигаются. Тут много техники раньше ржавело. Мне Базис рассказывал. Ну и не только... Тут вообще много чего в песке можно было найти.

— Что, например? Подбитый «мессер» или фаустпатрон? — хмыкнул Кравченко. — Базис-то — это кто такой будет?

— Это наш Илья Медовников, к кому и везу вас. Он тут обосновался, прямо корнями врос. Они с женой Юлией все для туризма наладили, просто настоящий базис заложили. Его и прозвище тут такое. Он вообще славный. — Мещерский улыбнулся, словно кое-что вспоминая. — И руки у него золотые. У него тут ведь еще гараж-автомастерская. Ну, правда, слабости кое-какие есть. Но на нашем бизнесе это никак не отражается. За клиентов-отдыхающих они с женой прямо горой стоят. Сервис держат на уровне. Ну а насчет остального, насчет слабостей... Юлия, думаю, сама с этим благополучно справляется.

— Ты что-то плетешь, плетешь, дорогой, а я что-то ничего не понимаю. — Катя смотрела в сторону пруда и церкви. Они уже подъехали достаточно близко. И тут она что-то увидела.

В первый миг ей показалось, что это церковь, именно эта церковь подействовала на нее как удар током. Церковь, как и маяк над заливом, была похожа на шахматную ладью гигантских размеров. Только сложена она была не из грубого камня, как маяк, а из темно-красного кирпича. И лишена башенных зубцов, а вместо них увенчана высокой колокольней со шпилем без креста. Фасад рассекали высокие узкие окна. Пять окон на мощном кирпичном фасаде. И одно лепилось у самой крыши, у основания шпиля. И в этом окне, на высоте почти тридцати метров над землей, прудом и кладбищем Катя увидела человека.

Он стоял на подоконнике, упиравшись растопыренными руками в оконный проем, и, казалось, вот-вот готов был броситься вниз.

От неожиданности Катя лишилась дара речи.

— Нет, ты смотри, что делает, сейчас же в лепешку расшибется! — крикнул Кравченко. И Катя поняла — это не фантом и не морок. Вадим тоже это видит.

Мещерский так резко нажал на тормоза, что в маленьком корейском джипе что-то звякнуло, как в банке с леденцами. Катю основательно трянуло. Наверное, от этой встряски ее осенила поистине пророческая мысль: «Ну, началось! Влипли!»

Глава 2

DIE CHRISTLICHE PFLICHT¹

Человек балансировал на подоконнике, словно одновременно желая и не решаясь оттолкнуться руками от сводчатых стен и ласточкой или камнем (это уж как бог пошлет) сверзиться вниз. Выглядело все это до безобразия нелепо и почти забавно, если бы не тошнотворный липкий страх, разом подкативший к Катиному горлу при одном только взгляде на...

— Halt!

Резкий окрик разорвал тишину. Чужая повелительная команда, ясная даже без перевода.

— Halt! Стоять! Я умоляю стоять! Не ходить! Умоляю тебя держать!

Голос, оравший всю эту тарабарщину, был высоким, мальчишески-сорванным, отчаянно зывающим о помощи. И тут Катя увидела на площадке перед церковным фасадом худого, коротко стриженного блондина в запачканных известкой рабочих штанах и линялой серой футболке. На вид ему было за тридцать, и своими резкими суетливыми движениями (он метался

¹ Христианский долг (нем.).

по площадке, не спуская глаз с человека в окне под шпилем) он походил одновременно на кузнечика и на сломанную марионетку, которую неумелые руки кукловода беспорядочно дергают сразу за все нити. Возле блондина валялось брошенное ведро извести и малярная кисть.

— Я умолять не смотреть вниз! Mein Freund Ivan!¹ Умолять спускаться!

— Пьяный или накололся. — Катя услышала голос Кравченко — вместе с Мещерским они подошли к блондину, прервав его очередной отчаянный вопль. Он резко обернулся.

— Он убивать себя так! Он уже раз убивать, его спасать. А теперь нет — он там, высоко, — блондин левой рукой ткнул вверх, а правой как клещ впился в плечо испуганного Мещерского. — Он кричать, если я ходить туда вверх (новый тычок в сторону колокольни), он прыгать быстро сюда (жест в сторону мощенного плитам двора). Я умолять вас идти вверх снимать. Я тут с ним говорить, отвлекать. Es ist Schockierend²!

— Ладно, поняли мы, ты только погромче ори, — буркнул Кравченко. — Сдается мне, у него шок от твоего вопежа, он и прыгать-то не очень спешит. Колеблется. Мы идем. — И он подтолкнул изумленного Мещерского в сторону церковных дверей. До Кати долетел жалобный вопль — на этот раз Мещерского:

— Но надо хотя бы спросить у него, как подняться на колокольню!

И мрачный ответ Кравченко:

— Пока узнавать будем, этот наверху мозги свои в пол впечатает... Иди уж, разберемся. Там какая-нибудь лестница все равно должна быть.

И они скрылись в церкви. Скрипнула, захлопнувшись, тяжелая дубовая дверь на тугой стальной пружине. Катя растерянно посмотрела на блондина. Все

¹ Мой друг Иван! (нем.).

² Это шок.

произошло так быстро. Блондин вдруг резко вскинул руки вперед, словно сам собирался куда-то прыгать, стиснул пальцы, точно умоляя о чем-то всевышнего или воображая, что таким способом ему удастся удерживать самоубийцу на подоконнике. Катя посмотрела вверх и лишь тут поняла, что человек на колокольне почти голый — на нем ничего не было, кроме пестрых плавок.

— Mein Freund Ivan! — Блондина вдруг прорвало, как плотину весной. — Das Leben...¹ Жизнь нельзя убить! Человек убить нельзя, сам себя нельзя!

«А если и мне сейчас крикнуть, — вдруг подумала Катя, — жизнь — это просто конфетка, вишня в шоколаде, поэтому слезай оттуда, паразит несчастный, сию же секунду!» Но крикнуть она не смогла, да и не успела бы, даже если бы решилась, — слышался какой-то шум: треск сломанных досок, вопль изумления и гнева. Его издал человек на подоконнике. Он опустил руки и нагнулся, намереваясь спрыгнуть, но словно какая-то невидимая сила рванула его за плавки, стащив с подоконника. Слышались яростные протестующие вопли. Потом наступила гробовая тишина.

Блондин заворуженно смотрел на колокольню, точно не веря в чудо спасения. А потом перекрестился коротким жестом католика.

— Ну, слава богу, — вырвалось и у Кати, — кажется, они успели.

Блондин глянул на нее так, словно только что увидел. Глаза его внезапно наполнились слезами. И Катя была готова поклясться, что слезы были совершенно искренними, столько в этих серо-голубых печальных тевтонских глазах было горячей благодарности, облегчения и религиозного восторга.

— Я молиться. Они его спасти, — он тяжело перевел дух. — Кто они?

— Это мой муж и его товарищ, — вежливо ответила

¹ Жизнь...(нем.).

Катя. Все-таки иностранец спрашивал. — Мы мимо ехали, — она кивнула в сторону машины, стоящей с распахнутыми дверями на обочине, — мы приехали отдыхать в Морское. Ехали мимо церкви, видим, этот... ваш... бросаться собирается. Вы его знаете? Кто он такой? Больной, что ли? Или просто до беспамятства напился?

— Ja, ja... — блондин кивнул. Теперь, когда спала острота момента и опасность миновала, речь его стала более понятной и связной. Он явно подбирал слова, строя фразы в уме, как это и делают все, кто не слишком-то уверенно изъясняется на чужом языке. — Это неважно — пить или не пить. Мужчина всегда пить, когда горе. А у него горе. Он мне сказать, что не хочет жить. Будет убивать себя, прыгать вниз.

— Но почему? Какое у него горе? — спросила Катя.

— Die grosse Liebe¹, — ответил блондин светло и печально.

Кате снова не понадобился перевод. Однако развить далее эту волнующую тему она не успела.

Из церковных дверей показалась процессия: Мещерский, пятящийся задом, и медленно вышагивающий Кравченко. За руки и за ноги они несли (точнее, волокли) голое (увы, плавок на самоубийце уже не было) обмякшее тело. У Кравченко отчего-то под мышкой торчали еще и лапы. Блондин опрометью кинулся к ним. Они бережно опустили тело на плиты.

— Катька, отвернись, — скомандовал Кравченко. — Нечего глазеть на... das ist die Schweinheit². А ты слушай меня... да ты иностранец, что ли? Немец? Ферштейн? А, понимаешь. Тогда дай чего-нибудь, этого придурка прикрыть. Не видишь, что ли, — женщина, дама, фрейлейн. А я его за трусы ухватил, когда стаскивал, резинка возьми и лопни.

Блондин быстро закивал и скинул через голову

¹ Великая любовь (нем.).

² На это свинство (нем.).

свою футболку, накрыв горе-самоубийцу. Катя подошла ближе. Спасенный был относительно молод — крепкий, ладный шатен с татуировкой на плече в виде двух перекрещенных якорей и тусклой серебряной цепочкой на шее, на цепочке болтался какой-то брелок. Глаза его были закрыты, грудь мерно вздымалась. От него разило перегаром шагов на десять. Блондин наклонился и осторожно потряс спасенного за плечо.

— Иван, Иван! — Он делал ударение в этом обычном русском имени не по-русски — на первый слог.

Кравченко хмыкнул.

— Ну что, обычный нокаут, — буркнул он на вопросительный взгляд Кати. — Ну, пришлось! Он брыкаться начал, как конь, вместо спасибо, когда мы на пол шмякнулись. Ну ладно, забугорный, ты давай вытрезвляй его тут, в чувство приводи, а мы поехали. Аллес!

Блондин вскочил и схватил руку Кравченко, бешено потряс ее, затем кинулся к Мещерскому:

— Вы его спасти! Я молиться, вы спасти. Линк, Ich bin Michael Link, — он ткнул себя в грудь. — Я здесь работать, — он указал на церковь. — А он врываться ко мне wie der Wind¹, кричать... Я не мог его успокоить, и он бежать от меня по лестнице вверх.

— Он за собой дверь на колокольню запер, — сказал Мещерский. — Вы уж извините, нам ее выбить пришлось.

Линк только рукой махнул — а, пустяки.

— С чего это он вдруг кончать с собой вздумал? — с любопытством спросил Мещерский и, видя, что вопрос его не совсем ясен Линку, старательно, с запинкой, перевел все на немецкий. Катя позавидовала: у Сереги талант к языкам. И хотя немецкий он не изучал ни в школе, ни в институте, а освоил его самостоятельно, как он выражался — «на вполне пригодном бытовом уровне». Линк просиял, услышав родную речь, и разразился длинной взволнованной патетической

¹ Как ветер (нем.).

фразой. Кравченко слушал его, хмыкал. Немецкий он тоже знал. По крайней мере, понимал, что ему говорят. И только бедная Катя ничегошеньки не понимала. Как и все нормальные дети в школе и в университете, она изучала инглиш. А таланта к самостоятельному изучению языков не имела.

— Что он говорит, Сереж? — с нетерпением тормозила она Мещерского.

— Насколько я его понял, он толкует о жестокой депрессии, в которую впал этот тип из-за категорического отказа какой-то Марты выйти за него замуж.

Кравченко усмехнулся.

— Какой еще Марты? — не поняла Катя.

— Он говорит, это его родственница. Они живут здесь. А этого, — Мещерский покосился на тело у их ног, — зовут Иван Дергачев. И он твердит, что они любили друг друга с детства, как Ромео и Джульетта.

Линк закивал, повторяя свое «я-я».

— Ладно, быстро линияем отсюда, — Кравченко шагнул к машине.

Но тут Линк снова что-то горячо и умоляюще затараторил. Он пламенно жестикулировал, указывая то на бесчувственного Дергачева, то на двери церкви.

— Эй, Вадим, подожди! — окликнул друга Мещерский. — Он просит, чтобы мы забрали его с собой в Морское.

— Кого? — Кравченко остановился как вкопанный.

— Он говорит, что этого Дергачева нельзя пока оставлять одного. Ну, без присмотра. Попытка самоубийства может быть им повторена в любой момент. И в этом он прав. — Мещерский скептически посмотрел на тело на каменных плитах. — Он просит, чтобы мы взяли его с собой в Морское, раз уж едем туда, и доставили... Да он и Медовникова, оказывается, отлично знает, Илюху нашего. Умоляет, чтобы мы доставили этого Дергачева к нему, они вроде друзей, и тот о нем позаботится.

— А сам он что, без рук, что ли? — Кравченко глянул на Линка. — Я ему сейчас сам скажу... Их бин...

— Да подожди ты! Он говорит — он никак не может. Сейчас к нему мастера должны прийти, алтарь в церкви устанавливать. Он не может отлучиться. Не может и психа этого здесь оставить. Он боится, что тот снова на колокольню полезет, когда он с мастерами будет занят. Он просит нас выполнить наш христианский долг до конца, раз уж мы влипли... раз уж мы спасли его и... Ладно! — Мещерский решительно кивнул и хлопнул Линка по плечу. Нагнулся и начал поднимать Дергачева.

Футболка, конечно, упала. Кравченко свирепо выругался, рывком приподнял самоубийцу и взвалил его себе на плечи, словно вязанку дров. Перед Катей замаячили бледные ягодицы Дергачева. Просто удивительно бледные по контрасту с остальным загорелым дочерна телом.

Тут Дергачев проявил первые после нокаута признаки жизни — зашевелился, застонал и слабым голосом, но отчетливо произнес: «Зараза». Перегаром заблагоухало еще крепче. А потом его бурно начало тошнить. Катя поняла: чтобы самый первый день их приезда на косу не оказался окончательно испорчен, ей надо что-то срочно предпринять.

— Сереж, а до Морского далеко? — спросила она Мещерского.

— Да около километра, вон за поворотом шоссе и поселок начинается. А через дюны по пляжу совсем близко, а что?

— Тогда я пошла пешком, — решительно заявила Катя.

— Как это? Ты что? Мы же...

— Я с этим пьяницей в одной машине не поеду, — отрезала она. — Меня саму сейчас тошнить начнет от него. Ты хочешь, чтобы я сейчас же попутку поймала и вернулась в аэропорт?

— Нет, но...

— Все, я пошла. Прогуляюсь, воздухом подышу. Нервы успокою, окрестности погляжу. — Катя двинулась к дюнам, огибая пруд.

— Вадим, ну что ты молчишь? Скажи же ей... ну, я

просто не знаю... — Мещерский махнул рукой. Кравченко тем временем запихивал голого Дергачева на заднее сиденье.

— Катя, подожди! — крикнул Мещерский. — Да что же это такое, черт... Ну, тут, правда, близко совсем, не заблудишься, но...

Но Катя была уже на той стороне пруда у старой ветлы, опустившей ветви в черную воду. Тут она остановилась и помахала им. И бодро зашагала туда, где слышались мерные удары волн о песчаный берег. Она чувствовала, что ей надо побыть одной. После всего, что она видела, лучшее противоядие — бриз, море, тишина и песок, осыпаящийся под ногами. И еще вон та сосна. К ее широкому стволу можно прислониться спиной и смотреть на море и на ровную линию горизонта.

— Не надо было отпускать ее одну, — мрачно изрек Мещерский, когда они въехали на окраину Морского.

Кравченко сидел рядом с ним. На заднем сиденье возлежал спасенный Дергачев.

— И черт меня только понес к этому пруду, — продолжал Мещерский с досадой. — Вполне можно было бы в объезд.

— А этот пусть бы мозги себе вышиб? — Кравченко покосился на тело.

— А, никуда бы он не прыгнул. Я это понял, как только его на подоконнике увидел. Он же не прыгнул сразу, как мы туда ворвались, а мог бы, время было, значит...

— Что? — спросил Кравченко.

— Да ничего. Дурью он маялся, этот пьянчуга, куражился просто.

— Ты его знаешь?

— Откуда? Никого я в поселке не знаю, кроме Илюхи Базиса и его жены, — Мещерский вздохнул. — И этот Линк тоже, кажется, с приветом. К церкви какое-то отношение имеет. Прораб, что ли, инженер?

Алтарь какой-то там воздвигает. Тоже хорош гусь — спихнул на нас этого кретина, а сам руки умыл. Нет, надо было все же не оставлять ее там одну, — повторил он сердито. — Это я тебе говорю. Ты муж ей или кто? Вам надо было вместе по пляжу прогуляться. Мог бы составить жене компанию. Ее тоже понять можно. Мало удовольствия с этим алкашом в одной машине сидеть, перегаром дышать.

— А, капризы... — Кравченко беспечно отмахнулся. — Я вообще не понимаю, чего ты паникуешь. Сам же ей сказал — тут по берегу и километра не будет. Что она — маленькая, заблудится в трех соснах?

Мещерский злобно оглянулся на мирно спящего самоубийцу, выругался, обозвав его «сукиным сыном». Выражался Мещерский редко, и почти всегда это было признаком сильного стресса или беспокойства.

Они въехали на центральную площадь Морского. По мнению Кравченко, озиравшего окрестности, площадь была какой-то чудной, словно наскоро слепленная декорация из совершенно разных спектаклей: две безликие двухэтажные стекляшки конца шестидесятых с вывесками «Почта», «Продукты» и «Салон красоты», пять новехоньких магазинов-палаток, крытых пламенно-алой металлочерепицей, старинный приземистый фольварк из красного кирпича, и все это в тесном окружении еще дюжины маленьких, одноэтажных, вросших в землю рыбацких домов, крытых где древней, чудом уцелевшей еще со времен Бисмарка, натуральной черепицей, где треснувшим шифером, а где новехоньким гофрированным железом, ослепительно сиявшим на солнце. Остроконечные фронтоны домов смотрели в сторону моря и были сооружены так, чтобы как можно меньше страдать от штормов и ветров.

Около площади располагалась пристань, и к молу со всех концов поселка вело сразу несколько улочек — узких и тенистых, стиснутых облупленными стенами и палисадниками, заросшими сиренью, кустами крыжовника и смородины, вишнями и карликовыми грушами.

Возле одного из таких домов, размером чуть больше остальных и под новой крышей, Мещерский остановил машину. Палисадника тут не было, зато позади к дому лепился просторный ангар. Слева имелась еще и одноэтажная пристройка-флигель. А рядом с ней был раскинут полосатый летний навес с рекламой пива «Балтика». Под навесом стояли пластмассовые столики и стулья. Дверь пристройки украшала кованая, украшенная хитрыми чугунными завитушками вывеска «Кафе-бар «Пан Спортсмен».

Столики под навесом были пусты, зато со стороны ангара слышались оживленные голоса. На стук хлопнувшей двери автомобиля из окон второго этажа шустро выглянула черноволосая молодая женщина. Помахала Мещерскому, крикнув: «Сейчас, сейчас, спускаюсь!» Те, кто был в ангаре, видимо, тоже услышали, что кто-то приехал, и двинулись навстречу. Так сначала показалось Кравченко, однако это было не совсем так.

— Не беспокойтесь, Григорий Петрович, все сделаю. Да это не машина, это симфония для скрипки с оркестром. С такой ходовой еще ездить и ездить. Вы только насчет резины узнайте, нужно достать как и на том «Хорье», помните? И насчет краски не забудьте, — донесся оживленный голос Ильи Медовникова, которого проще было именовать, с легкой руки Мещерского, емким прозвищем Базис.

— Краску достанут и доставят, я уже договорился, — ответил Базису низкий солидный мужской голос.

Мещерский с помощью Кравченко начал извлекать из машины бесчувственного Дергачева. Футболка Линка, скрывавшая его наготу, в результате снова оказалась на земле, Кравченко снова начал ругаться. И умолк лишь тогда, когда из ангара появился Базис со своими спутниками. Причем при виде одного из них голое пьяное тело снова быстро засунули в машину на заднее сиденье — от греха, чтобы не пришлось краснеть и извиняться.

Катя созерцала сапфировый горизонт и злилась. Мало того, что ее выжили из машины и заставили топтать пешком, так еще и отнеслись ко всему этому наплевательски! Когда она сказала, что пойдет через пляж, у нее и в мыслях не было, что она действительно это сделает. Но Драгоценный В.А. даже ухом не повел! Да, в какое-то мгновение у нее действительно возникло острое неприятие этого абсурда, инстинктивное желание побыть одной на природе. Но не до такой же степени, господи, чтобы стоять вот так одной-одиношенькой в совершенно незнакомом месте, на пустом морском берегу! Ведь, заявляя о своем желании идти в Морское пешком, Катя рассчитывала именно на Кравченко. За ее капризом крылась трепетная надежда — раз уж он обманом завез ее сюда, на край света, то сам бог велит им теперь держаться вместе и никогда не разлучаться. И сейчас они пойдут берегом моря вдвоем, рука об руку, пока сердобольный Мещерский доставит в поселок того пьяного сумасброда, так и не прыгнувшего с колокольни. И тем самым выполнит, в том числе и за них с Кравченко, этот самый «христианский долг».

А они с Драгоценным В.А., опять же рука об руку, плечом к плечу, тесно обнявшись, как счастливые новобрачные, будут шагать вдоль прибоя, увязая по щиколотку (как вот сейчас она, черт побери) в этом мягком песке.

А потом останутся, полюбуются на золотистый пляж, посмотрят в глаза друг другу и... И нежный страстный поцелуй будет длиться, длиться бесконечно, пока сладко не закружится голова, не замрет сердце и...

Катя отвернулась от моря, словно оно было виновато не меньше, а то и больше Драгоценного В.А. А он... А он даже словечка ей не сказал на прощанье. Муж объелся груш... Даже не посмотрел — запихивал на

заднее сиденье голые растопыренные ноги этого дурака, Дергачев, что ли, его фамилия? Словно этот Дергачев ему отец родной, брат, сват. Игнорировал ее! Всецело делая вид, что он, муж, сам по себе, а она, жена, сама по себе. Свободу ей полную предоставил, надо же какой! Фактически бросил ее тут. Бросил свою родную жену в совершенно незнакомом, диком, безлюдном месте, на берегу этого отвратительного (пусть и искрящегося, как драгоценный камень) моря, где вся округа так и кишит какими-то психами, которые прыгают с колоколен.

Да что же это, в конце концов, такое? Как он смеет с ней так обращаться? Вообще, как они с Мещерским смеют себе такое позволить? Сюрпризы какие-то устраивать, везти ее за тридевять земель куда-то, а потом бросать, не обращать внимания, не считаться с ней?!

Катя мрачно оглядела пейзаж. Еще в самолете она слушала разглагольствования Кравченко о том, как катастрофически непостоянна погода на Балтийском побережье. Как она в один момент меняется — то солнце, то дождь, то ветер, то мертвый штиль. И вот сейчас она чувствовала, что подобные мгновенные перемены происходят и с ней. Всего четверть часа назад она испытывала умиротворение и покой, разглядывая из окна машины дорогу в Морское. А сейчас на душе ее бушевала буря.

Ну, постойте, погодите же, дайте мне только добраться до гостиницы. А там всем, всем щедро достанется на орехи. И мужу-пофигисту, обманщику несчастному, и тихоне Мещерскому за его «сюрпризы». Катя со злостью пнула ногой пук засохшей травы и зашагала по песку. От прежней жажды одиночества не осталось и следа. Катя жадно хотела к людям, к человеческому жилью.

Прошла совсем немного и увидела впереди красную машину.

В первую секунду, все еще поглощенная ураганом эмоций, она не обратила на эту машину никакого внимания. Раздражение только отчего-то прибавилось,

может, от того, что авто было красное, как кровь, яркое, праздничное, дразняще-красивое и чужое. А может быть, от того, что у него была настезь распахнута дверь со стороны водителя. «Что за типы тут обитают? — подумала Катя. — Разъезжают на таких кричащих «мобилях», да еще вот так совершенно наплевательски бросают их открытыми прямо на пляже — садись угоняй».

Но уже через мгновение досада и раздражение схлынули. Катя подошла ближе и заглянула в салон. Это был новенький «Фольксваген-Пассат». Припарковали его в укромном месте, за грядой дюн, так что шоссе было совершенно не видно. Припарковали и ушли, оставив открытой дверь и... Катя увидела ключи, торчавшие в замке зажигания. А на заднем сиденье была небрежно брошена алая итальянская сумочка.

Катя обогнула капот и увидела на песке возле самых колес женскую пляжную шляпку из соломки с шелковой алой лентой, обвивавшей тулью. Шляпка была смята и вдавлена в песок, словно на нее наступили каблуком.

Катя не стала ее поднимать. Оглянулась — никого. Пляж пуст, но за этими дюнами мало что увидишь. Возможно, тот, кто приехал на этой машине, куда-то отлучился и вот-вот вернется. Здесь так тихо, так жарко, так спокойно, что, наверное, никто и не помышляет о ворах и угонщиках. Это не Москва-матушка, где вор на воре и ничего нельзя оставить — тут же упрут. Это морской курорт, к тому же — граница с Европой. Здесь и климат, наверное, мягче, и нравы людские лучше под действием целебного морского воздуха.

Справа из-за сосен послышался рев мотора. Ощущение было такое, что какая-то машина, тянущая непосильный груз, с великим трудом штурмует крутой подъем. Карабкается, ревет, свистит, хрипит и... Мотор рывкнул, словно медведь, подавившийся костью, чихнул бензином и заглох. Послышалось громкое, яростное восклицание, потом грохот, скрежет металла и тихий шорох.

Только взобравшись на холм, Катя поняла, что этот

шорох издал пласт песка, съехавший вниз, к подножию высокой дюны, и увлекший за собой мотоцикл и свалившегося с него человека. Мотоцикл, увязший в песке, беспомощно лежал на боку — колеса еще крутились. Человек поднялся. Стряхнул песок. И теперь прикуривал сигарету, смотря попеременно то на своего двухколесного друга, то на отвесный песчаный склон, возвышающийся желтой стеной, казалось, до самого неба.

Катя стояла на своем низеньком холме в позе Паганеля, подбоченясь, приложив руку к глазам, изучая эту новую картину.

— Ну, что смотришь? — фамильярно и громко осведомился мотоциклист, точно она была его старинной знакомой. — Никогда не видела, как люди вверх тормашками летят?

— Почему не видела? Только что наблюдала, — ответила Катя, имея в виду прыгуна с колокольни.

Но мотоциклист, видимо, принял это замечание на свой счет.

— А что, в школе первую помощь пострадавшим не учили оказывать? — спросил он.

— А что, кто-то ранен?

— А может, я?

— Вы? — Катя не продемонстрировала ни малейшего желания подходить ближе. — И правда, вы без шлема. Ударились, да? Сильно? Но голова-то цела? Не оторвалась, не раскололась?

— Откуда сама? Отчего не знаю? — Мотоциклист бросил окурок.

К этому моменту Катя уже успела его разглядеть и составить о нем полное впечатление. Молодой. Честно говоря — совсем зеленый. Белобрысый, словно солнцем обожженный, как августовский подсолнух. Маленького роста, как Серега Мещерский. Но качок — грудь колесом. Одет просто и незатейливо — в пятнистые камуфляжные штаны, ботинки на шнурках и майку-тельняшку.

Мотоцикл, валявшийся на боку, был самым обыч-

ным «Уралом», самодельно, по-байкерски переделанным так, чтобы хоть немного походить на фирменную «бээмвуху».

В принципе, вывод напрашивался простой — юнец, дерзкий и разговорчивый, местный рокер. Однако собровские штаны-камуфляж и тельняшка как-то не очень с этим вязались. Парень чем-то смахивал на «голубой берет», явившийся в День десантника в Парк Горького пить водку с однополчанами и купаться в фонтане. Но берета нигде видно не было. Зато Катя разглядела валявшийся в песке шагах в десяти от мотоцикла шлем. И шлем этот подозрительно был похож на шлем сотрудника ГИБДД.

— А вы что, всех в округе знаете? — спросила Катя.

— Всех. А такое личико точно бы не забыл. Откуда? Из Москвы?

— Да. — Катя отчего-то смутилась под его пристальным взглядом. — Как вы догадались? Мы приехали отдыхать.

— С подругой? — Он допрашивал ее! Ей-богу, это напоминало допрос.

— С мужем.

Он недоверчиво хмыкнул. На лице его появилось выражение — дудки, мол, не купишь на этот старый фокус.

— А где остановились?

— В Морском, тут рядом. Нам сказали, там есть какой-то отель.

Мотоциклист кивнул:

— В «Спортсмене» у Ильи? Нехило. Только шум будет будить.

— Какой шум? — не поняла Катя.

— Ну, из гаража. — Он нагнулся к мотоциклу. — А зовут-то тебя как, кареглазая?

Следовало, конечно, сразу поставить его на место. Но Кате стало смешно.

— Меня зовут Екатерина Сергеевна, — сказала она. — А вас, молодой человек?

Он легко поднял мотоцикл.

— А еще говорят, что нет симпатий, любви то есть, с первого взгляда, — он широко улыбнулся. — А еще говорят, что имена ничего не значат. Эх, Катя, Катенька, Катюша...

В этот миг Катя наконец-то вспомнила, кого ей напоминает мотоциклист — неисправимого вралю из «Семи нянек»!

— А меня Катюшин зовут, — сказал он, светло глядя на Катю. — Фамилия такая. Сечешь, ромашка? Катюшин. Значит, чей я на этом свете должен быть? Тот. Имя не обманешь. Судьба. Я это сразу понял, с первого взгляда. А что, никуда не денешься теперь. Фамилия обязывает. А имя мое Клим. Тоже редкое. Дед настоял на таком, всю нашу семью на уши поставил, а назвал меня по своему хотению в честь танка, на котором воевал. Так что, думай, вникай, соображай. Ну что, будем глубже знакомиться?

— Нет, — ответила Катя и повернула назад.

Услышала позади рокот мотоцикла.

— Подожди, садись, довезу до гостиницы, — и тут он тоже увидел красный «Пассат» у подножия холма.

— Твой?

— Нет, — ответила Катя, — я думала — твой. Там дверь открыта, и ключи торчат. А хозяина до сих пор нет.

Катюшин легко оттолкнулся ногами и съехал на мотоцикле вниз по склону. Объехал машину.

И тут Кате бросилась в глаза одна деталь: кроме гаишного шлема, к заднему сиденью мотоцикла была приторочена темно-серая форменная куртка. Форма эта была Кате до боли знакома.

Катюшин слез с мотоцикла. Нагнулся, поднял соломенную шляпу, вдавленную в песок.

— И это не твоя?

Катя отрицательно покачала головой. Хотела что-то сказать, но не успела и рта раскрыть, как вдруг...

— Помогите! — раздался из-за дюн чей-то истовый испуганный вопль. — Ради бога, помогите! Эй, кто-нибудь, сюда, скорее! На по-о-омощь!

НЕЗНАКОМКА В КРАСНОМ

Из-за дюн выскочил старик, облаченный, несмотря на жару, в брезентовый макинтош и резиновые сапоги. Лицо его было красное, обветренное, на нем застыло выражение ужаса.

— Семеныч, ты что? — окликнул его Катюшин. — Что кричишь? Что, снова водяной померещился?

В словах Катюшина не было ни сарказма, ни насмешек. Однако в тот момент Катя никак не отреагировала на эту примечательную фразу. Впоследствии она вспоминала эти слова не один раз, пытаясь точно припомнить ту самую интонацию, с которой Катюшин спросил старика про водяного.

— Убили! Клим, это ты? Слава богу, а я уж и не знал, кого кричать — милицию или «Скорую», — старик тяжело дышал, указывая трясущейся рукой за дюны. — Женщина там... скончалась.

— Утопленница? — быстро, тревожно спросил Катюшин.

Старик отрицательно затряс головой.

— Ножом, ножом ее кто-то полоснул... — Он схватился за плечо и потащил его за собой. — Там на берегу. Она живой еще была, при мне скончалась. Ползла по песку, бедняжка, стонала. Я услышал — гляжу... Сначала прямо ноги подкосились, растерялся, не знал, что делать, кого на помощь звать. Тут же ни души!

Он тащил Катюшина на пляж. Катя спешила следом. Это с ее стороны было не любопытство. Просто она уже догадывалась, что помощь ее, хоть и слабая, может этим двоим вот-вот понадобиться. Ноги увязали в песке. Этот же самый песок, казалось, скрипел на зубах, саднил в горле. В небе кружили чайки, и крики их теперь казались Кате не дополнением к морскому пейзажу, которым она всего четверть часа назад так безмятежно любовалась, но досадным и зловещим дополнением, так резавшим слух. Среди пожухлой травы

в песке мелькнуло что-то красное. Старик, бежавший первым, наклонился, тыча в ту сторону рукой. Какое-то мгновение за его сторбленной сутулой спиной Катя не видела ничего, а затем...

На песке ничком лежала женщина в ярко-алом, коротком и открытом сарафане. Коротко стриженная мелированная блондинка — крупная, ширококостная, длинноногая, спортивная. Ее ноги в черных босоножках были как-то нелепо согнуты, словно в последний момент она пыталась приподняться и встать на колени. На правой руке поблескивал золотой браслет. На шее была золотая цепочка — она сбилась назад. Катюшин подошел к телу, наклонился, потрогал пульс на руке, затем осторожно перевернул женщину на бок. Катя с содроганием увидела, что шея и грудь незнакомки залиты кровью. Голова безжизненно свесилась. Даже под слоем макияжа и загара резко проступала мертвенно-восковая бледность. На губах, накрашенных ярко-красной помадой, налипли песчинки.

На вид незнакомке было примерно за сорок. Однако возраст выдавали только лицо и шея. Фигура же была хоть и крупной, но стройной и подтянутой.

— Мертва. — Катюшин снова пощупал ее пульс. Потом очень внимательно осмотрел ее окровавленную шею. Делал он все это спокойно, неторопливо и как-то привычно. Почти профессионально, несмотря на свой юный возраст. Было видно, что возня с мертвым телом, такой вот его осмотр — дело для него неприятное, но, по крайней мере, хорошо знакомое. Катя вспомнила шлем и куртку. Черт возьми, неужели она и здесь, на этом безлюдном пляже, познакомившись и слегка пококотничав с парнем, нарвалась именно на...

— Отчего она умерла? — спросила она тихо. — Это ведь не огнестрельная рана, и выстрела мы не слышали.

— Семен Семенович вот сказал, — Катюшин кивнул на старика, горестно смотревшего на умершую, — резаная рана шеи. Ножевое ранение проникающее. Вон кровящи сколько. В обморок-то не упадешь, радость моя?

— Сам не упали. — Катя нагнулась ниже и невольно почувствовала тошноту: не хвались, едучи на рать. Патологоанатома из тебя все равно не выйдет. — Ты что, в милиции работаешь? — спросила она прямо. — В ГИБДД что ли?

— Я участковый. — Катюшин внимательно осматривал тело. — Анискина смотрела? Вот и я такой же перст на всю косу. Мда, хана дело. Убийство, как пить дать. Семеныч? Э, да тебе плохо, что ли? Ну ты присядь и на кровь не смотри. Валидол есть с собой?

Старик только руками замахал — погоди, дай отдышаться, в себя прийти. Без валидола вашего.

— Ты сказал, она еще жива была, когда ты на нее наткнулся? — спросил участковый Катюшин чуть погодя.

— Ну да. Слышу, в песке кто-то стонет тихо так, жалобно, словно всхлипывает.

— А ты сам-то что тут делал? Ты что, не работаешь сегодня? Выходной, что ли?

— Выходной. Я в Пионерское с утра ездил. За пенсией. Дали, перечислили наконец. Ну, сошел тут с автобуса. Меня Линк просил к нему заглянуть. Вроде сегодня алтарь должны были мастера монтировать. Ну, он и просил меня, чтобы я поглядел, ну сравнил, в общем, что, как... Я ему говорю, Миша, дорогой, я бы и рад, но я мало что помню, сколько годов с тех пор прошло. Я и в церковь-то потом не ходил — там же склад был, потом мастерская столярная. Ну, он вежливый, настырный такой, ты ж его знаешь. Нет, говорит, герр Баркасов, очень прошу, битте... Ну, я думаю, отчего хорошего человека не уважить? Он вон откуда приехал нам нашу же церковь восстанавливать. Пойду, гляну на алтарь, авось и вспомню, какой он был сорок лет назад. Ну, значит, сошел я с автобуса тут. Почему не там, возле пруда? Так вот почему. Он, Линк-то, строгий, когда при своей церкви хлопочет. Ну, на счет этого дела строгий, понимаешь? А у меня с собой чекушка была припасена с пенсии-то. Дома баба моя сразу окрысилась — ни-ни, и не думай даже. В церкви

совестно как-то. Ну, я и решил тут на берегу сесть, принять маленько, поотдохнуть малость, а потом туда, к церкви. А то Линк расстраивается, когда не то что водочные — пивные бутылки на церковный двор или в пруд бросают... Ну, сел я, выпил, вдруг слышу, стонет кто-то. Я сначала и значения не придавал, ну мало ли... Потом снова кто-то застонал, заохал, да так, что... Ну, прямо мороз у меня по коже. Я туда — батюшки-светы, женщина ползет еле-еле, в крови вся. Я к ней. А она... — старик запнулся, кашлянул.

— А она умерла? — спросил Катюшин.

Старик помолчал. Потом посмотрел на участкового.

— Дух испустила почти сразу, как я сунулся к ней. Но перед этим меня, видно, увидала и прохрипела... Господи, до смерти не забуду, как хрипят-то с перерезанным горлом... Мне аж жутко стало, подумал — это агония у нее.

— Что она сказала перед смертью? — спросила Катя. — Может быть, назвала чье-то имя?

Старик покачал головой и как-то странно посмотрел на Катю, на участкового и на тело, распростертое на песке.

— Она прохрипела... нет, никогда не забуду ни голоса ее, ни ужаса, что в глазах ее был. Она крикнула: «Рука! Боже, у него выросла рука!»

Глава 5

ВНЕЗАПНЫЙ ЛИВЕНЬ

Имя и фамилия убитой стали известны сразу же. Участковый Катюшин достал из красного «Пассата» дамскую сумку, а из нее паспорт и водительские права на имя Ирины Преториус, сорока трех лет, прописанной по адресу: Калининград, Комсомольская улица, владение. Но это ничего не прояснило. Наоборот. Преториус в Морском никто не знал. По крайней мере, так казалось сначала и об этом говорили между со-

бой Катюшин и Семен Семенович Баркасов, первым обнаруживший умиравшую. Баркасов так и сказал: «Не наша, я ее ни разу в поселке не видел. Женщина из себя заметная, яркая, такую не забудешь — нет, никогда она к нам не приезжала прежде. И в соседних Рыбачьем и Пионерском я такую не встречал».

Однако все по порядку. Тот день, точнее, уже вечер, потому что с моря незаметно подкрались сумерки, вспоминались Кате впоследствии довольно часто. И когда она начинала думать ОБ ЭТОМ, мысли ее мешались. Перед глазами всплывали, порой меняясь местами во времени, две пугающе яркие картины — полуголая мужская фигура, нелепо раскрылатившаяся в церковном окне, и фигура женская, безжизненно скорчившаяся на желтом песке пляжа. Эти картины были словно связаны чем-то между собой. Но когда Катя пыталась угадать эту связь, у нее ничего не получалось. Единственное, что она твердо знала об этом дне — дне их приезда в Морское, — было то, что эти двадцать четыре часа оказались как-то уж чересчур перенасыщены событиями. Тут вам и Шереметьево, и взлет, и посадка, и незнакомый город где-то на краю страны, и море, и залив, разделенные узкой полосой песка, и двухчасовой переезд на машине куда-то в неизвестность, и какой-то чудной иностранец в церкви, и еще более чудной и оголтелый наш соотечественник, задумавший свести счеты с жизнью, и трагикомический порыв мужа и его товарища, выполнивших неожиданно-негаданно свой христианский долг, и знакомство с местным донжуаном на пляже, и убийство. А еще те, последние, слова умирающей Преториус, которые слышал только старик Баркасов о какой-то «выросшей руке». Они словно бы добавляли ко всему случившемуся в этот злополучный день еще дюжину вопросов.

До гостиницы «Пан Спортсмен» Катя добралась одна и пешком уже в сумерках, оставив участкового Катюшина охранять тело и место происшествия, дожидаясь следственно-оперативную группу из Зелено-

градска. Семен Семенович Баркасов был отряжен на ближайшую бензоколонку к телефону звонить в милицию. Катюшин, как-то сразу притихший, указал Кате на тропу, уводившую в дюны — через сосновую рощу прямо к поселку. Никакими «ромашками» и прочими фамиллярностями он ей в тот вечер более не докучал. Вообще стал сразу крайне деловит и по-детски серьезен, давая понять, что все глупости — побоку и он сейчас при исполнении и на работе.

У Кати даже повода не возникло намекнуть ему, что они коллеги и оба носят погоны, правда, кое у кого звездочек все же побольше. В принципе, долг требовал оставаться на пляже до победного конца — то есть до приезда эксперта и следователя прокуратуры, если таковые, конечно, водились в этом тихом морском заповеднике. Однако на этот раз к служебному долгу Катя оставалась глуха. Сторожить труп до приезда местных сотрудников ей не хотелось, Катюшин и один бы справился, не маленький. А участвовать в последующем детальном осмотре места происшествия и брошенной машины ей все равно бы никто не позволил. Причина смерти Преториус была ясна — ножевое ранение в шею. Ножа, как они ни искали вокруг, пока было еще светло, а также каких-либо четких следов (песок был сухой и совершенно не хранил отпечатки) не было. Что же до остального... Катя вдруг вспомнила о Драгоценном В.А. и испугалась не меньше, чем в тот момент, когда увидела кровь.

К тому же солнце не успело еще полностью окунуться в море, а на горизонте уже замаячили серые растрепанные облака. Потянуло сыростью и холодом. Семен Семенович Баркасов с тоской посмотрел вдаль и глубокомысленно заметил: «Как бы шквал к ночи не налетел». Кроны сосен сразу, как только село солнце, стали черными на фоне сине-фиолетового неба. На песке от стволов деревьев зазмеились лиловые тени.

Трижды по дороге в гостиницу Катя невольно пугливо оглядывалась назад. И с тревогой прислушивалась к каждому шороху. Ей чудилось... Конечно, это

было всего лишь разыгравшееся воображение, однако несколько раз она вроде бы ясно слышала чьи-то шаги за собой. Словно кто-то крался там, за стволами сосен... Кто? Катя снова останавливалась, вглядываясь. Черт возьми. Конечно, это все глупые страхи. Однако это ведь факт — кроме нее, Катюшина и Баркасова, кто-то ведь был на пляже. Тот, кто убил эту женщину. Возможно, он прятался где-то в дюнах, наблюдая за ними. Возможно, находился там все время, пока они осматривали тело.

И конечно, Кате стало намного легче, когда сосновая роща кончилась и с песчаного холма она снова увидела море и дома на берегу. И совсем уж легко стало, когда поселковая улица привела ее на центральную площадь Морского к почте и там она нос к носу буквально столкнулась с Драгоценным В.А. и Сергеем Мещерским. Оба точно выступили в военный поход — такой у них, по крайней мере, был вид. Мещерский дико переживал. Это, точно по открытой книге, Катя прочла по его расстроенному испуганному лицу. С мужем, однако, все было сложнее. С виду Драгоценный В.А. выглядел невозмутимо, но что творилось в его душе?

— Ты где была? — спросил он.

— Там, — у Кати уже не было сил рассказывать сейчас им об этом.

— А я думал, ты в аэропорт махнула, — сказал Кравченко непередаваемым тоном. — Между прочим, здесь в гостинице ужин ровно в восемь. Опоздаешь — твои проблемы. То есть наши. Сейчас уже четверть десятого.

— Катя, да что же это такое? Куда ты пропала?! — жалобно и виновато воскликнул Мещерский. — Мы уже не знали, что и думать!

Она и тут не стала говорить им об ЭТОМ. Психовали, переживали, голубчики? Вот пусть теперь совесть нечистая сгложет вас со всеми костями. В следующий раз будете внимательнее относиться к ее желаниям и капризам...

Кравченко подошел к ней и крепко обнял за плечи.

Однако лицо его было по-прежнему невозмутимым — делай что хочешь, поступай как знаешь. Катя попыталась вырваться из этих медвежьих объятий, чуть-чуть ослабить эту хищную хватку собственника. Но не тут-то было.

— У нас номер для молодоженов, — шепнул Кравченко, когда Мещерский чуть поотстал. — И кровать шириной с Финский залив. Я уже испытал на прочность. Почти не скрипит. После ужина, если нам все же что-то дадут, я мыслю сразу же баиньки укладываться. Устал, переволновался. А ты что скажешь, мой зайчик?

Зайчик, так... Ромашка... Катя как можно серьезнее посмотрела на мужа. Эх, знали бы они, что она только что пережила, какие потрясения! Зайчик... Мещерский позади скромненько кашлянул.

Вот так и вышло, что ПРО УБИЙСТВО она объявила им даже не за ужином, а гораздо позже, в тесном, отделанном сосной баре «Пана Спортсмена», где в тот вечер (была как раз пятница) яблоку было негде упасть от любителей пива. И весть о трупe на берегу уже всю передавалась из уст в уста. Впрочем, в тот вечер Кравченко и Мещерский отреагировали на ее рассказ как-то недоверчиво и вяло. А Катя слишком устала, чтобы строить какие-то догадки.

Они с Кравченко ушли к себе в номер в половине двенадцатого. А в полночь хлынул сильнейший ливень и барабанил по крыше то громче, то тише до самого рассвета.

Сергею Мещерскому отвели седьмой номер на втором этаже. Катю и Кравченко поместили в четырнадцатый. Гостиница «Пан Спортсмен» на обоих этажах имела всего пятнадцать номеров, причем номера тринадцатого не было вообще. «Я сам так решил, так лучше, — признался Мещерскому Илья Медовников, прозванный Базисом. — Так и нам с Юлей, и клиен-

там спокойней. А то фиг сдашь кому тринадцатый. Все шарахаются. Суеверие сплошное».

Илью Медникова Мещерский знал уже несколько лет. Познакомились они в Питере на одном из первых автошоу старых автомобилей. Древние развалюхи были чуть ли не болезнью Базиса. Его отец был автомехаником и дома в стареньком гараже из разрозненных деталей ухитрился собрать себе «Победу» и «ЗИС». Базис, по его словам, родился в автомастерской. Тогда, на то самое первое автошоу в Питере, он прикатил (причем своим ходом, без обмана) на удивительном драндулете середины двадцатых годов, бывшем, как почудилось тогда Мещерскому, точной копией знаменитой «Антилопы-Гну». Драндулет с пижонистым верхом и ярко-оранжевой грушей клаксона, изготовленного, пардон, из гигантской старинной клизмы, Базис в течение нескольких лет собирал буквально по винтику. Полностью отреставрировал салон, и «Антилопа» благоухала новенькой кожей сидений и верха, сияла хромированными боками и произвела среди зрителей и жюри неслыханный фурор, сразу же обретя покупателя в лице богатого финна, помешанного на старых автомобилях.

На вырученные весьма приличные деньги, как Мещерский и догадывался, Илья Медовников начал потихонечку подниматься. Он женился по любви, перебрался к жене из Питера в Калининградскую область (что многих, кстати сказать, тогда удивило), врос в новый, незнакомый быт и постепенно начал все теснее сотрудничать со столичными и питерскими турфирмами, организуя для приезжих отпускников «рыболовные туры» на Куршской косе.

Турфирма Мещерского «Столичный географический клуб» как раз перед самым кризисом морально и финансово поддержала Медовникова, выделив ему кредит на ремонт и перепланировку старого дома, приобретенного им и его женой в Морском. В прежние времена в доме этом находились склады, а затем клуб рыбопромысловой артели. А еще раньше, при немцах,

в этом доме сначала жил пастор, потом была гостиница для туристов, приезжающих на взморье из Берлина по так называемому «польскому коридору». А во время войны там располагался военный штаб.

Базис по совету жены решил вернуться к истокам и снова превратить этот заброшенный старый дом в уютную маленькую гостиницу с кафе-баром на первом этаже. Однако, как честно признавался он позже Мещерскому, замахнулся он уж слишком рьяно, и, если бы не энергия и упорство его жены Юлии, никогда бы ему не осилить этот гераклов подвиг с ремонтом и перепланировкой бывшего артельного клуба.

Юлия Медовникова — живая, словоохотливая, пышногрудая брюнетка — сразу после школы пошла работать в торговлю. И, по ее же словам, «хлебнула и повидала в жизни немало разного». Однако с годами приобрела ту самую цепкую деловую хватку, настойчивость и упорство, которые столь необходимы для всех, кто в одиночку или парой пускается вплавь по бурному морю мелкого частного предпринимательства.

Фактически «Пана Спортсмена» подняла из руин и вывела в большую жизнь именно она. Она мужественно несла на своих плечах и весь основной груз работы в гостинице — убирала номера, меняла постельное белье, готовила «пансион» для постояльцев, а по вечерам еще и обслуживала клиентов в баре.

При всей этой адской работе она, по ее же собственному признанию, была абсолютно счастлива в браке и довольна жизнью. Мещерскому Юлия Медовникова понравилась чрезвычайно. Он вообще питал слабость к крупным высоким женщинам, хозяйкам своей судьбы. Он частенько ловил себя на том, что невольно наблюдает за этой парой. Грузный, толстый здоровяк Илья — рыжий, краснощекий, редко унывающий, всегда что-то тихо насвистывающий сквозь зубы. С виду — этакий рубаха-парень, вечно копающийся в своей автомастерской на задворках гостиницы, одетый всегда в старые вельветовые штаны и заляпанную машинным маслом и пивом футболку. И рядом с

этим толстым добродушным неряхой — она, пани Юлия. Всегда аккуратная, вежливая, с роскошными черными волосами, порой заплетенными в толстую русалочью косу. Одета всегда либо в соблазнительный черный сарафанчик-мини, либо в топик и бриджи, обтягивающие ее бедра и прочие соблазнительно-округлые формы, точно на картинке из мужского журнала.

Мещерский ловил себя еще и на том, что невольно сравнивает чету Медовниковых с другой, хорошо ему знакомой супружеской парой. Да, жена Базиса ему приглянулась, причем сразу, но, увы, она была уже чужой добычей и собственностью. Мещерскому порой было горько сознавать, что вот опять двадцать пять. Почему-то судьба-злодейка назначила ему в жизни нелегкий жребий всегда увлекаться и украдкой вздыхать о женщинах, которые, увы, уже были прочно и крепко заняты кем-то более расторопным, везучим и настойчивым.

На следующее утро он проснулся в своей одинокой холостяцкой постели в седьмом номере гостиницы в пять часов, когда уже рассвело и дождь перестал стучать по черепичной крыше. Мещерский лежал, смотрел в потолок и думал о том, что происходит там, в четырнадцатом номере для молодоженов. То, что это именно номер для медового месяца, ласково и ехидно сообщила ему Юлия Медовникова. Впрочем, Катя вчера вечером после этой истории на берегу выглядела такой встрепанной, продрогшей и испуганной... Эх ты, мой милый маленький воробышек...

Хотя она была почти на целую голову выше Мещерского, у того очень часто появлялись в отношении ее такие вот сравнения типа «воробышек», «ласточка», «малыш», «девочка». Ничего дружеского или отеческого в этих эпитетах не было, напротив... Их порождало само раненное когда-то давно, в далекой туманной юности, сердце. Мещерский никогда не произносил (в отличие от Кравченко так и сыпавшего порой этими своими «радостями», «куколками», «дорогушами», «зайчиками» направо и налево) свои ласковости вслух.

И никому, тем более ей, Кате, или другу Кравченко, даже под расстрелом не признался бы, что они так и вертятся у него на языке, когда он видит ее, слышит, говорит с ней, чувствует аромат ее духов, но... Нет, сердце, молчи, грусть, уймись. Все равно ничего изменить и поправить уже нельзя. Остается лишь ворочаться на узкой холостяцкой кровати седьмого номера и...

Впрочем, вчера Катя действительно была похожа на встрепанного воробья. И все рассказывала им об убийстве на пляже. И в баре вечером тоже все об этом судачили — он слышал: мол, нашли в дюнах на берегу моря мертвую женщину. Вроде туристку. Кто-то ножом ее пырнул, там сейчас милиции нагнали...

Черт, этого только тут не хватало! Мещерский свирепо забарахтался в постели. Посмотрел на часы. Четверть шестого всего. А ведь еще в Москве они с Кравченко мечтали, что в первое же утро махнут на моторке в открытое море на рыбалку.

Однако вчера за всеми этими волнениями и переживаниями он совершенно позабыл спросить у Базиса, что там с моторкой. А с ней, по закону подлости, действительно что-то случилось — мотор забарахлил. Базис его вроде наладил, но... Совсем ведь из головы вылетело. А все этот хмырь с колокольни. Он во всем виноват. С него в этот день, который так славно начинался, все пошло наперекосяк.

Мещерский перебирал в памяти, как вчера они с Кравченко привезли сюда в гостиницу этого хмыря-самоубийцу. Базису этот Дергачев оказался действительно корешем. Вчера, когда они приехали, Базис находился в гараже. Как он сказал им впоследствии, он недавно вернулся из соседнего поселка. Около автомастерской стояла его грузовая «Газель».

Гости Базиса, которых они с Кравченко встретили в автомастерской, были Мещерскому незнакомы. Он поначалу вообще думал, что к Базису приехал отец с красавицей-дочкой. Но оказалось, что нет — то были жених и невеста. Базис опять же сообщил об этом позже, с какой-то двусмысленной усмешкой косясь при

этом на все еще не подававшего признаков сознания пьяного Дергачева, водворенного на стул под тент летнего кафе.

Однако еще позже Мещерский вдруг вспомнил, что невесту он уже видел. Это произошло в самый первый его день в Морском, когда он приехал из Калининграда, благополучно посадив свою очередную тургруппу в аэропорту на самолет. Туристы возвращались из Германии на автобусе через Польшу с заездом в знаменитый замок Голау в Померании, где ежегодно в июле проводился красочный и почти самый настоящий рыцарский турнир.

Этот маршрут был эксклюзивным изобретением «Столичного географического клуба», и к его разработке Мещерский приложил всю свою буйную фантазию, насколько позволяла туристическая смета. Увы, на практике все оказались совершенно не так волшебным, как планировалось в Москве. Рыцарский тур вымотал Мещерского до предела. Слишком уж много было в Германии пива, в Польше «Старки», контрабандно провезенной через две границы русской водки, травм и ушибов у клиентов, получивших все эти «прелести» на пусть и призрачном, но все же историко-спортивном ристалище, где участники состязаний облачались в самодельные доспехи и рубили друг друга тупыми мечами, кололи тупыми копьями и то и дело падали со взятых напрокат на соседних фермах кротких, как голуби коней, удивленных этими падениями гораздо больше своих незадачливых седоков.

После всего этого хаоса, переездов с места на место и почти непрекращающихся пивных вечеринок двухнедельный отдых в Морском — месте совершенно тихом и уединенном, словно подвешенном в пустоте между небом, морем и заливом, — восхитительный отдых с рыбалкой, пляжным битьем баклуш и редкими выездами по просьбе Кати, например, к домику Томаса Манна или же на мыс Таран представлялся Мещерскому настоящим раем.

В тот самый первый день они сидели с Базисом

здесь же, на веранде летнего кафе под тентом, потягивали пиво, отмечая встречу, обговаривая все детали будущего отдыха, договариваясь насчет оплаты. И вот тогда-то Мещерский впервые и увидел невесту. Она прикатила к гостинице на стареньком, разбитом «Опеле». Здесь, в анклав, как заметил Мещерский, почти весь легковой транспорт был из Германии или Польши. Приехала незнакомка к жене Базиса Юлии. Судя по всему, они были подругами. Юлия тут же приказала мужу «оторвать зад от стула» и присматривать в кафе, а сама повела гостью в жилую часть дома. Базис с женой жили тут же, при гостинице, занимали на первом этаже две просторные комнаты.

Гостья была миниатюрной кругленькой блондинкой — синеглазой и загорелой. И, как успел смутно отметить сквозь пивные пары Мещерский, — просто красавицей. Сколько в ней было изящества и обаяния! Правда, красота ее была какой-то чересчур уж детской. Судя по тому, как она общалась с Юлией Медовниковой, они были ровесницами. Жене Базиса можно было дать лет двадцать восемь — тридцать. Гостья же выглядела гораздо моложе. Было в ее облике что-то, напоминающее школьницу предпоследнего класса. Кажется, заплети она свои золотистые волосы в две короткие тугие косички, укрась их бантиками, и тут же станет Красной Шапочкой из мультфильма.

Увидев эту же самую девушку во второй раз в автомастерской Базиса, Мещерский снова осознал, что видит перед собой очень милое и привлекательное существо. Но никаких чувств, никакого душевного подъема не испытал — феи, Дюймовочки и Красные Шапочки были не в его вкусе. А их маленький рост его просто раздражал. Однажды по совету Кати он пытался ухаживать за такой вот прелестной недомеркой, но, придя с ней к друзьям в гости и увидев себя со стороны в зеркале в прихожей, более никогда не повторял этих опытов.

На этот раз гостья приехала в «Пан Спортсмен» не одна, а со спутником, который выглядел старше ее

почти вдвое и вдвое же был выше, шире и толще — крупный полный шатен с круглым, чуть тронутым оспой лицом и модной стрижкой. На вид ему было все сорок пять, а то и пятьдесят, но он тщательно следил за собой и молодился изо всех сил. Чего, например, стоил его костюм из денима — брюки в обтяг и короткая потертая курточка, так странно смотревшаяся на его квадратной фигуре, особенно в сочетании с автомобилем, на котором он приехал в автомастерскую. Но авто это Мещерский увидел чуть погодя, а сначала ему бросилось в глаза то, как вежливо и подобострастно ведет себя с гостем Базис, уважительно величая его Григорием Петровичем. Они вышли из мастерской, видимо, Базис ему что-то там показывал, но в чем было дело, в тот момент Мещерский не понял. В беседе их он особо не вникал, так как был занят тем, что сначала вытаскивал из машины бесчувственного Дергачева, а затем снова запихивал его на заднее сиденье, потому что следом за мужчинами вышла и девушка, и нельзя же было оскорблять ее чувства видом этого голяка.

А когда они с Кравченко, извиняясь, чертыхаясь и пыхтя, все же затащили Дергачева под навес (Базис сбегал в дом и принес одеяло, прикрыть наготу), мужчина и девушка уже попрощались и укатили на новехоньком «Мерседесе» серебристо-стального цвета. Вот тогда-то на вопрос Мещерского, что за любопытный тип с дочкой заглянули на огонек, Базис, с ухмылкой косясь на Дергачева, ответил, что первое впечатление обманчиво и что это, между прочим, не родственники, а влюбленные. Более того — счастливый жених и не менее счастливая невеста. Далее он сказал, что дело уже в шляпе, заявление в загсе, а время к свадьбе, что, по слухам, на Взморье арендован чуть ли не целый ресторан на первой линии пляжа.

По меркам Морского, это было верхом шика и удачного молодецкого разгула. И Мещерский не стал ничего более уточнять насчет малютки-невесты и пожилого жениха. В свою очередь, рассказал Базису свои

новости — историю спасения самоубийцы, вскользь упомянув при этом фамилию Линка.

Базис слушал с живейшим интересом. Пару раз даже подходил к Дергачеву и щупал ему пульс, как больному. Потом сказал: «Да, дела. Никто от него такого не ждал, надо же». А потом сказал, что утро вечера мудренее и что он уложит Дергачева спать в одном из свободных номеров. «Завтра проспится, может, и не вспомнит ничего, — продолжил он. — Ну а если вспомнит... Надо же, никто не думал, что он это серьезно... Михель-то что сказал? Ну Линк? Что его нельзя сейчас одного оставлять? Да уж, это точно... Но он лучше бы не нам это сказал, а своей сестренке внушил, что... Ладно, делать нечего. Пусть побудет пока у меня. Юлька, конечно, разоряться начнет, но... В общем, я все с ней улажу. Кто, собственно, в этом доме хозяин, а?»

По лицу Базиса было в тот миг ясно: о Дергачеве и его сумасбродной натуре, толкнувшей его на колокольню, он знает гораздо больше, чем говорит. Но Мещерский не стал проявлять любопытство. Какая, собственно, им разница? Они приехали в Морское на пару недель отдыхать. И страсти, кипящие в сердцах и умах обитателей этой курортной глуши, не должны их ни в коем случае ни интересоваться, ни касаться. И своих забот полно. К тому же Мещерский страшно переживал, что они оставили Катю одну на проезжей дороге. Когда же прошел час-другой и она не появилась, беспокойство перешло почти в панику.

Но все это было вчера, до дождя. А дождь, прошумев, омыв землю, унес с собой и все вчерашние тревоги и страхи. В пять утра, проснувшись и закудив в постели, Мещерский почувствовал себя совершенно другим человеком, однако...

Это убийство на пляже... Это чертово убийство. Что же там произошло? И надо же так случиться, что именно в этот момент там очутилась Катя — без Вадьки, без него, Мещерского, — маленькая, беззащитная Катя. И как только он, Мещерский, позволил ей пойти пеш-

ком? Страшно даже подумать, но ведь на том месте на пляже вполне могла оказаться и...

Мещерскому стало жарко. Он сел, откинул одеяло. Сна уже не было ни в одном глазу. Он встал и поплелся в ванную. Слава богу, Базис сумел осилить в «Спортсмене» вполне сносную современную сантехнику и даже горячую воду. После душа Мещерский подошел к окну и, подняв жалюзи, выглянул в окно. Небо почти совсем очистилось от туч, только на западе на горизонте маячила какая-то серая полоска. Солнце уже взошло, но над морем все еще висел бледный малахольный серпик убывающего месяца. Мещерский сладко потянулся — эх, утро-то какое, красотища! Рассеянный взгляд его упал на церковный шпиль, видный из-за остrokонечных крыш, а затем на участок шоссе. И вдруг он увидел на дороге какую-то темную фигуру. Она быстро приближалась. Остановилась на углу соседнего дома, чуть помедлила, явно рассматривая фасад гостиницы и летнюю пустую террасу, и затем повернула к пристани, скрывшись за зелеными палисадниками.

Разглядеть незнакомца Мещерский не смог. Заметил лишь, что это был человек высокого роста со стремительной, энергичной походкой. Отчего-то сразу же вспомнился Линк. Может, это немец куда-то намылился спозаранку? Может, на рыбалку? Любопытный тип этот немец и, судя по реакции Базиса, в Морском совершенно в доску свой, хоть и иностранец. Однако нет, Линк худой и долговязый, а этот на шоссе крупный спортивный мужчина, вроде бы не похож на Линка.

Мещерский снова нетерпеливо глянул на часы. Господи боже, всего-то полшестого. Как же убить эти несколько часов до завтрака? И чтобы не было мучительно больно за бесцельно потерянное первое курортное утро, Мещерский решил сделать самое простое — пойти и тихонько стукнуть в дверь четырнадцатого номера. Разбудить Кравченко.